

Она должна была хранить верность данной клятве — ни при каких обстоятельствах не использовать королевских тайных агентов в личных целях, не приносящих пользы государству. Если бы она придерживалась этого до конца, не балансируя вечно на грани двусмысленности своих обетов, то не услышала бы этой страшной вести.

Чэнь Лян и Ван Цянь мертвы. Фан Дицзи услышала это известие, словно удар грома, уже в третий раз. В голове гудело, будто прямо над ухом ударили в огромный гонг. Она широко раскрыла глаза, часто моргая, но ничего не видела — лишь бесконечную, непроглядную тьму. Она изо всех сил старалась сосредоточиться, вслушаться, всмотреться, но ощущала лишь панику в мыслях, бешеный стук сердца, подобный грому, и необъяснимое отчаяние.

Пот струится по телу, словно кипятки, сердце в груди горит, как в огне. Сжимаю в руках острый клинок, душа дрожит от ужаса. Каждый шаг — стон и рыдания, путь по горной тропе бесконечно долог. К счастью, звезды освещают дорогу, но вдруг всё заволокло туманом. Ветер срывает листья, в лесу раздаются грозные тигриные крики, вторит им жалобный вой обезьян. О, я бегу, словно загнанный скакун, в страхе за свою жизнь! Увы, в этой суматохе не найти выхода из старой горной тропы.

Что же теперь делать? Нет! — Фан Дицзи с силой покачала головой, словно пытаясь выдавить мысли из черепной коробки. — Сейчас мне ничего не нужно делать. Ребенок погиб, но это не мешает мне сбежать из страны. Смерть ребенка не мешает мне залечить раны и восстановить внутреннюю силу. А если не смогу восстановить — заставлю Чжан Хуа отомстить. Когда Чэнь Лян и Ван Цянь отправились убивать Фан Ло, их единственной задачей было попытаться сделать невозможное или отвлечь его внимание.

Но я не думала, что они погибнут. — Внутри Фан Дицзи бушевало безумие, но внешне она сохраняла спокойствие. — Я не ожидала их смерти. Я думала, их схватят, возможно, подвергнут несправедливому суду. Фан Ло не будет милосерден, но он должен был не казнить их, а использовать как инструмент для чужих рук. Пока не он сам наносит удар, мой ребенок был бы в безопасности. Ради своей репутации и лица Фан Ло, если он хоть немного дружит с головой, не стал бы убивать собственного приемного сына.

Снова слышны крики ворон на верхушках сосен, доносится печальный звук рожка. Спешу укрыться в деревенской лавке, в одиночестве вспоминая о доме. В мечтах — родные края, но путь к ним закрыт. Не до сна в эту ненастную ночь. Всю ночь бегу по пустырям, спасая остатки своей жизни.

Фан Ло сошел с ума. Мне следовало догадаться: если он решился убить меня, значит, утратил способность взвешивать последствия. Фан Дицзи погрузилась в пучину бесконечного раскаяния. Ее душа, подобно обрывку ветхой ткани, бессильно заколыхалась и пошла ко дну, в темный и горький колодец. Она задержала дыхание, до крови закусил губу, но боли не чувствовала. По привычке пыталась унять страдания, она с силой прижала голову к твердой поверхности и, задохнувшись от нехватки воздуха и душевной боли, окончательно провалилась в забытие.

— Матушка? — тихо позвал Чжан Хуа, а затем, повысив голос, затараторил: — Матушка!

Матушка, с вами всё в порядке?

Он остановил карету, заглянул внутрь и увидел Фан Дицзи: лицо синюшное, она без сознания, изо рта сочится кровь, а в руке она судорожно сжимает клочок бумаги.

Чжан Хуа припал к полу кареты, вглядываясь в записку. Там значилось: Вчера... Цянь казнен на всеобщее обозрение. Место, где стояло имя, закрывал большой палец женщины.

Как ни старался Чжан Хуа, разжать ее пальцы не удалось. Но стоило взглянуть на ее лицо, на каждую глубокую морщину, заполненную болью, досадой и отчаянием — словно она потеряла самое дорогое сокровище, любимого сына, — и всё стало ясно.

Сердце Чжан Хуа похолодело. Во-первых, он искренне скорбел о Чэнь Ляне. Во-вторых, он всегда считал, что больше всех мать любит его, затем — вспыльчивого, но смышленного Ван Цяня, потом — глуповатую Цзинь Унян, и лишь в последнюю очередь — Чэнь Ляна, который вечно следовал за ней, словно начальник стражи. Нет, нет, не время сейчас думать о ревности. Очевидно, что больше всех Дицзи любит свою старшую дочь — гордую девушку, так похожую на нее саму, красивую, не по годам мудрую и отважную. В сущности, дочь была в несколько раз красивее самой Дицзи.

Два дня назад все четверо детей мечтали о том, как завоевать сердце этой гордой и хитрой девушки, одержимой тренировками с мечом. Но теперь душа Цзинь Унян, возможно, застряла на городских воротах, а тела Чэнь Ляна и Ван Цяня были изуродованы до неузнаваемости. Чжан Хуа чувствовал себя потерянным псом.

Он взглянул в небо, но звезды не сулили ответов. Их были тысячи, бесчисленное множество — больше, чем он когда-либо видел, даже когда сидел на крыше, облаченный в белые одежды, попивая вино и упражняясь с мечом, чтобы привлечь внимание старшей дочери Фан Дицзи. Небо было чистым, в серебристо-голубых сумерках сияла река Млечного Пути. Она напоминала ленту из нефрита. На сердце Чжан Хуа стало не только тревожно, но и горько.

Разделенные горами, мы тоскуем друг о друге, к чему теперь мечты о подвигах и небесных звездах?

Впустую сжимаю окровавленный клинок, не свершив правосудия, оплакивая гибель героев и горечь разлук.

Если бы он мог сейчас сидеть на крыше павильона Звезд в особняке премьер-министра, в легких белых одеждах попивая дорогое вино, он бы не чувствовал такой горечи, не предавался бы тяжелым раздумьям, а, подобно юношам из Улина, слагал бы стихи о цветах и луне, вымученно сетуя на жизнь. Но теперь всё иначе.

Чжан Хуа молча опустил занавеску. Ему вдруг расхотелось говорить с Фан Дицзи или утешать ее. Сейчас ей нужно было безопасное место, чтобы она могла в тишине зализывать свои раны, чтобы вновь предстать перед всеми, включая его самого, такой же несокрушимой, как скала.

Я никогда не видел мать такой сломленной, и не должен был видеть. Она не желает утешений, она хочет восстановиться сама.

Фан Дицзи пришла в себя и долго лежала в полном изнеможении.

Спустя два часа Чжан Хуа глубоко вздохнул, придал лицу выражение неведения и приоткрыл занавеску:

— Матушка, мы на границе. Тот самый храм, который вы искали, здесь. Храм богини, спрятанный в ущелье между гор.

— Да, это то самое место. — Фан Дицзи взглянула мельком и сразу узнала его. Пустая, лишенная зелени горная впадина напоминала огромную чашу из грубой желтой глины, а маленький пестрый храм в центре выглядел как брошенная на дно игральная кость, сулящая иную судьбу.

— Чжан Хуа... — голос Фан Дицзи был сухим и утомленным. Она никогда не показывала такой слабости, выглядя как женщина, которую может обидеть любой встречный. Она по-прежнему была в монашеском одеянии. Попытавшись сесть, она с сомнением произнесла: — Чжан Хуа, отведи меня в храм.

— Матушка, это не лучшее убежище. Слишком заметное, слишком изолированное.

— Я знаю. Просто отведи меня туда.

Фан Дицзи открыла глаза. Всё произошедшее за эти три дня встало перед ней.

Чжан Хуа, опустив голову, обрабатывал ножом какой-то предмет.

— За алтарем есть старая каменная плита. Поддень ее, там бочонок с маслом, — негромко сказала Фан Дицзи. — Достань масло и разлей по дверям и окнам. Когда придут люди Фан Ло, подожги всё.

Чжан Хуа резко вскочил:

— Матушка! Мы приложили столько усилий, трое братьев погибли ради вас, и вы хотите здесь покончить с собой? Если бы вы сказали раньше, лучше бы я позволил вам умереть, а потом принес бы ваше тело к Золотому трону, чтобы устроить скандал — премьер-министру это обошлось бы гораздо дороже!

— Какой ты милый, — Фан Дицзи поманила его к себе. — Этот храм я построила четырнадцать

лет назад. Это был путь к спасению для человека по фамилии Фан. Никто не знает, что здесь скрыто. В храме есть тайный ход, ведущий в подземный дворец. Там хранятся сокровища, оружие и запас провизии и одежды на сотню человек на целый месяц. Пять лет назад я обновляла запасы. Фан Ло не знает об этом пути, как и мой младший брат. Хотя я не скрывала от него секретов, были вещи, о которых я не говорила: ни о подземном дворце, ни о тайном ходе, ни о другом пути к спасению.

— Я виновата перед вами. Я давала клятву: тайная стража, которую император доверил мне, а я передала ему, должна служить лишь народу, но никак не моим личным интересам или обидам. Я могу нарушить клятву, но не должна. — У Фан Дицзи покраснели глаза, но она постаралась сказать это будничным тоном: — Если бы вы четверо смогли добраться сюда, мы бы ушли вместе.

Чжан Хуа спросил:

— Где этот проход? Нет, не говорите сейчас. Я понимаю.

— Я собираюсь отсюда сбежать, возродиться, отомстить и вернуть всё, что принадлежит мне, — у Фан Дицзи хватило сил произнести это твердо. — А теперь иди за маслом. Как только храм загорится, это даст нам полчаса форы. В радиусе двухсот ли нет воды, они не смогут потушить огонь. Я заложила под землей много пороха. Как только мы скроемся в туннеле, фитиль зажжет свечу, и через четверть часа механизм или огонь сверху подорвут порох.

Чжан Хуа увидел, что чашеобразная долина заполнена войсками. Он вскочил, поддел плиту, вытащил бочонок с маслом и, следуя указаниям Фан Дицзи, осторожно разлил его, стараясь не облить себя.

В глазах Фан Дицзи вспыхнул странный блеск. Опираясь на руки, она поползла к алтарю и прошептала с неясной смесью восторга и скорби:

— Позволь мне начать обманывать его. Это будет увертюрой к великому спектаклю.

Глава 16

Прическа с девятью драконами и фениксами, платье из золотых нитей.

Пояс из ланьтяньского нефрита, длинный шлейф, белая нефритовая табличка в руках.

Лицо подобно лотосу, брови — словно нарисованные облака, губы — как киноварь, фигура безупречна.

Ни один бессмертный не опишет такой красоты, ни один художник не передаст этого величия.

Золотая Мать Яочи, приведя себя в порядок после утреннего туалета, недовольно откинулась

на нефритовый валик:

— Говорите быстрее, если есть дело. Если нет — я пойду прилягу.

Из рядов небожителей вышла Владычица Цзывэй, вторая дочь Владычицы, по имени Циньэ. Когда-то она передала священные писания Пэй Сюаньжэню, и тот, достигнув просветления, стал бессмертным. Вторая принцесса низко поклонилась и медленно промолвила:

— Матушка, от седьмой сестры пришло письмо.

Золотая Мать фыркнула:

— Не называй ее сестрой! Нарушила небесные законы, сбежала с человеком — какой позор! Дай сюда, посмотрю.

Вторая принцесса, усмехнувшись про себя, подала кусок грубой мешковины, покрытый пятнами чернил:

— Взгляните, матушка. Седьмая... то есть Босуй, она в таком бедственном положении. Посмотрите, что она использует — в наших небесных чертогах и вещей-то таких не видали.

Золотая Мать невольно взглянула на ткань и, коснувшись грубой материи, не удержалась от вздоха. Хотя седьмая дочь и училась ткачеству у Ткачихи, она работала с небесными нитями на нефритовом станке. Мир смертных — не небо, там приходится управляться с грубой пенькой и старыми деревьями. Говорят: не став хозяином, не узнаешь ценности дров, не вырастив детей, не поймешь материнской любви. Надеюсь, Босуй повзрослеет, пожив в тяготах. Раньше ее слишком баловали. Золотая Мать снова тяжело вздохнула и под взглядами небожительниц развернула ткань. Взглянула — и пришла в ярость.

Печаль и тоска сжимают сердце, для кого они рождаются? Думаю о разлуке с тобой, мы на разных концах неба. Нет надежды на встречу, сердце мое разбито. Не хочется есть, постоянно чувствую пустоту. Сижу в бездействии, словно вижу твой облик.

У всего есть начало, надеюсь, ты доведешь дело до конца. Прошли годы с разлуки, могу ли я ждать прежней любви? Забыть старое ради нового — даже благородные мужи осуждают такое. Пусть я далеко, но разве забуду тебя хоть на миг? Если любовь была глубокой, не станет она мелкой, надеюсь, ты вспоминаешь обо мне.

Золотая Мать закричала:

— Сжечь! Немедленно сжечь! — Она схватила нефритовый жезл и с силой ударила по облачному ложу. — Она ненавидит меня! Она ненавидит! Я столько лет во всем ей потакала, единственным условием было — выйти замуж по нашему с императором выбору. А она своевольничает, нарушает законы, да еще и ненавидит меня!

— Матушка, успокойтесь.

— Как мне успокоиться? — Золотая Мать отбросила жезл, сжимая руки в кулаках, глаза ее покраснели от гнева. — Юинь, ты видела, что принесла? Ты не поняла, что она ненавидит меня, или хотела, чтобы я узнала об этом?

Вторая принцесса прошептала:

— Матушка, мне показалось, она ненавидит не вас, а саму себя.

— Ладно, ладно, сожгите. Чтобы и следа не осталось. Никто из вас не смеет больше проявлять к ней снисходительность. Передайте указ небесным, земным и водным божествам: отныне относиться к Босуй как к простой смертной, пусть поступает как знает! — Золотая Мать печально откинулась на ложе. — Поставьте Зеркало Вселенной, посмотрим, что интересного в мире смертных. И передайте указ служителям храмов: в этом году пусть просящим рождается больше сыновей. Рождение дочерей приносит лишь тревоги.

Принцесса Лунцзи разложила бумаги, взяла кисть из драконьего уса, окунула в киноварь. Бумага была бела, как снег, тушь пахла орхидеями.

Зеркало Вселенной показывало тысячи картин, как вдруг Золотая Мать вскочила:

— Мало того, что Босуй злит меня, так этот нищий монах посмел сжечь мой храм!

— Не гневайтесь, матушка, я сейчас же отправлюсь и заключу его под стражу.

— Не спеши. Гм, он, похоже, решил умереть в храме, а не просто сжечь его. — Золотая Мать сделала глоток чая: — Добавьте леденца. Посмотрим еще немного. Если умрет — так тому и быть, если нет — накажешь его. Э? Что это за солдаты с луками? Лунцзи, кто это?

Принцесса Лунцзи закончила писать указ, передала его чиновнику и подошла к зеркалу:

— Не знаю, матушка, лучше спросить у третьей сестры.

Третья принцесса замялась, но под взглядом Матери выпалила:

— Это не монах, это Фан Дицзи. По имени Фан Иту, второе имя Чжигуй. Родилась в восьмой год Хуанчэн. Этот храм она построила во второй год Дачжи, после того как год прослужила на границе и отразила врагов.

Золотая Мать приподняла бровь:

— Как ее зовут на самом деле?

Принцесса покраснела:

— Фан Иту. Это имя дала ей мать, и Фан Дицзи его ненавидит, хотя мать очень любила. После

того как мать казнили, она использовала это имя, пока не отомстила за нее, а потом стала представляться только именем Чжигуй. Титул Дицзи получить было непросто: официально она служила государству и была важным чиновником, поэтому император уговорил вдовствующую императрицу принять ее как приемную дочь. Имя Фан Лаода в зеленых лесах — это знак качества: она была справедливой, помогала нуждающимся. Когда я спускалась в мир смертных, я гостила в ее поместье Цзюйсянь.

Золотая Мать нахмурилась:

— Твоя грубость и дерзость — это ты у нее научилась?

Третья принцесса прослезилась:

— Три дня назад муж, которого она сама воспитала, чуть не убил ее. Она бежала три дня, не знаю, что она задумала.

Золотая Мать хотела было отвернуться, но, услышав это, взмахнула рукой, увеличивая изображение в зеркале:

— Выходить замуж по своей воле до добра не доводит.

Фан Дицзи, опираясь на статую божества в полуразрушенном храме, с трудом встала и хриплым голосом скомандовала Чжан Хуа:

— Осторожнее, не разлей масло куда попало! Только окна и двери, храм не должен рухнуть сразу. Я строила его с расчетом: есть один выход и два окна, стены защищены кирпичом, крыша пропитана клеем, сразу не загорится. Я вижу его. Поджигай, осторожнее.

Чжан Хуа разлил масло и поставил кувшин у входа. Чиркнув огнивом, он поджег дорожку масла, ведущую к самой дальней точке, и отступил.

— Зря я вышла замуж. Жить без привязанностей, среди братьев и друзей — это было бы в сотни раз лучше. Фан Ло, ты убил жену и детей, небо не простит тебе этого! — Фан Дицзи, стараясь, чтобы ее узнали, громко закричала, изображая невыносимую скорбь: — Ладно, ладно, это всё грехи этой никчемной женщины!

Пламя вспыхнуло, языки огня жадно лизнули стену.

Премьер-министр остановил коня у входа:

— Фан Дицзи, выходи, мне нужно с тобой поговорить.

— Тебе нечего говорить! Фан Ло, ты нагромоздил горы преступлений лишь ради того, чтобы

погубить меня! Посмотри на это, ты добился своего, остановись! Когда мы встретились, между нами была пропасть, и сейчас она никуда не делась. Всё изменилось, всё кончено. — Фан Дицзи пролила слезы: — Позволь человеку по фамилии Фан умереть достойно.

Фан Ло соскочил с коня:

— Тушить! Быстрее тушить!

Солдаты окружили горящий храм. Трое тысяцких внезапно спрыгнули с коней и закричали:

— В храме правда Фан Лаода?

— Сюн Фэйхэй! Ты, сукин сын, ослеп на один глаз, что ли, раз не узнаешь меня? Кто выколол тебе глаз? Тот, кто сбросил тебя со скалы? Ох уж это имя! — Фан Дицзи перевела дыхание: — Пи Цзунбин, ты, неисправимый пьяница и мошенник, если бы не ты, я бы давно сломала тебе ноги! Младший брат, ты всегда был бунтарем, вечно разоблачал мою ложь. Не ожидала увидеть тебя здесь.

Трое мужчин опустились на колени и завyli:

— Тушить! Скорее тушить! Это правда Фан Лаода! Ван Цянь говорил правду!

— В радиусе двухсот ли нет воды! Мы налегке, гнались за вами, воды с собой нет! Что делать? Фан Лаода, что делать!

Фан Дицзи разорвала лохмотья нищего монаха, обнажив перебинтованный живот. Чжан Хуа ловко размотал бинты, показав бледный живот с ужасными, рваными ранами, покрытыми засохшей кровью.

Фан Дицзи указала на шрамы, глядя на Фан Ло:

— Эту рану нанес мне Фан Ло. Эту — наемный убийца, присланный Фан Ло.

— Я знаю, что он вам сказал, — Фан Дицзи глубоко вздохнула и, как обычно, властно взмахнула рукой: — Он сказал, что я самозванка, а этот нищий монах — убийца Фан Дицзи. Я знаю, что объяснять бесполезно, поэтому бежала. Братья, не вините себя.

Три тысячи закаленных воинов рухнули на колени. Земля содрогнулась под их весом.

— Способность Фан Ло вертеть миром как ему угодно — это я знаю лучше всех. Черт возьми, я сама его этому научила.

Фан Ло стоял среди трех тысяч коленопреклоненных воинов. Ему вдруг тоже захотелось встать на колени, покаяться, почувствовать боль. Но его колени были тверды, как когда-то перед

врагами Фан Дицзи. В душе не было ни боли, ни радости — лишь бесконечное смятение.

<http://bllate.org/book/21775/2251794>